

ПУБЛИЦИСТИКА

ПИСЬМА ДОВОЙ

/материалы к изучению культурной ассимиляции/

Выпуск 5

Дневник удалось начать поздно, через неделю после приезда в Вену.

29.7.80.

Приехала в Вену. И что почувствовала? Свободу? Нет. Свободной была и в России. Свобода — это дар Божий, это — обязанность, а не право /так, кажется, у Бердяева/. Счастье? Но счастлива была и в России, несмотря на бездомность, страшную загруженность, отсутствие книг, нервозность и предательства друзей.

Почувствовала, что попала в мир **СОФМИ**.

Всякий смысл в этом мире нашёл свое выражение, свою благородную оболочку. Вена в первый же день поразила тем, что все вещи здесь спешат нравиться и чем-нибудь услужить человеку. Они красивы без назойливости, живут своей тихой жизнью, но никогда не забывают для чего существуют.

Поразил "антропоморфизм" западного устройства. Но отсюда же стали ясны и соблазны этой жизни /и стала ясна глава Маркса о товарном фетишизме/.

Если в России мне, даже при моей безымянности, приходилось употреблять слишком много сил на то, чтобы преодолевать тысячи напряжений, связанных с невероятно трудным внешним образом жизни: шум на улицах, давка в транспорте, раздражительность и т.д., то здесь — соблазн от противоположного — слишком всего много, и, если ты недостаточно устремлен к Небесам, тебя навеки притянет к себе земля.

Радостно это открытие западного мира: душа давно искала красоты и завершенности, она устала видеть болезнь, хаос и вечную бесформенность происходящего. Соблазну Востока и соблазну Запада можно противостоять только одним оружием: духом. Дух Святой ведёт нас к спасению и через русскую скудость и через западное изобилие.

Я не успела еще открыть здесь глаз и вздохнуть свободно /обрушилась пресса/, но как-то сразу почувствовала, что этот мир — Божий, что здесь уже многое сделано, многое построено, многое создано, и что этот мир "создан хорошо весьма".

Почувствовала даже, что попала на родину, выпала некото-

рым образом из заколдованного круга и увидела ясно многое из того, что только предчувствовала. Уже в России я вела диалог с этим миром, теперь этот диалог озвучился и ожил. — Вижу, что здесь придется работать "на два фронта" — для родины старой и для родины новой.

30.

Когда я проснухась впервые на этой земле, я с ужасом подумала "где я? В Вене?" Но это был ужас рождения. И, конечно же, ужас потери. Никогда, больше никогда не увижу я любимой мной, больной и сросшейся со всей моей жизнью Ленинград, никогда не будет больше со мной моих друзей, которые любили меня и за которых была готова каждую секунду душу свою положить.

Пока для эмоций времени нет. Когда корреспонденты спрашивают: "Что Вы чувствуете, приехав в Европу?" — я улыбаюсь. Как могу я чувствовать, если я только говорю, выступаю, снимаюсь. Ну а ночью, во сне, моя душа откликается на разлуку. Уже несколько раз горько плакала от чувства утраты. Вчера мне приснился мой больной город, с его серыми улицами, грязными переулками и темными дворами. Мне снилось, что я опаздываю на свой лифтерский пульт, что какой-то старуха уже злобно и подозрительно встречает меня и нужно что-то придумывать. Обычный сон, сейчас он показался мне кошмаром.

Не раз, как бы очнувшись, я спрашиваю себя — изужели я в Вене? Давно знала, что, наверно, эмигрирую, но никак не могу понять, что это уже произошло.

30. Вижу, что многие эмигранты, потеряв основание для суеты и вечных обвинений в чью-то сторону, потеряв КГБ как вечного врага и источник вдохновения, оказались людьми опустошенными, неинтересными, унылыми. Их одолевает бесконечная болтливость, неприятна их разбросанность /в этом мире отточенных форм/, и очень бросается в глаза их неспособность к работе. Отняли внешнее сопротивление — и погас внутренний огонь. В России весело было ходить по краю пропасти, постоянно чувствовать риск, но я всегда знала, что на этого ждет от меня Господь и в сердце своем я всегда сохраняю тишину.

31.

Интервью свои больше люблю давать на немецком и даже на английском, чем на русском. Русским кажется мне чересчур интимным, чересчур беззащитным перед смыслом. А смысл того, о чем меня спрашивают, обычно слишком незамысловат, чтобы говорить об этом выразительно и не краснеть. Английский и немецкий хотя бы вносят какое-то напряжение в мою речь и образуют механизм, защищающий меня от банальности высказанного.

31.

Сейчас корреспонденты, желая написать что-нибудь "новенькое", провоцируют меня и задают необычные вопросы. Симон из "Эдль" дал мне 4 понятия и попросил построить из них шкалу ценностей:

Родина, женщина, философия, религия.

У меня, конечно, вышло: 1. религия, 2. философия, 3-4. женщина и родина.

Таким образом, был разоблачен мой "феминизм". Симон /журналист неглупый, ироничный и самонадеянный/ сказал: да, фрау Горичева, вы - хитрый политек. /Что значит: здорово вы "осадили" эту тему - феминизм, правильно поняли "конъюктуру"/.

Здесь люди по-разному реагируют на мои религиозные речи. Никто, никто, естественно, не понимает, что важнее всего для меня не идеология, но мировоззрение и не нравственность, а мистически-духовное. Но до этого разговор даже не доходит. Приходится отстаивать христианство хотя бы на уровне истории и экзистенции. Говорю, что Церковь у нас страдает, что Церковь - это церковь мучеников. Она не может не дать священников, которые самым непосредственным и конкретным образом откликаются на страдания своей паствы /а паства женская/. Говорю, что мы открыли Бога как высшую Реальность и Свободу, а не как еще одну тюрьму /достаточно мы видели их на своем веку/. Говорю, что смирение - это не робость, - а полная открытость Богу, отвага не принадлежать себе, чистота и дерзновение, жизнь в других сферах, где не отвечают на насмешку насмешкам, где Дух всегда побеждает плоть.

Уже устала все это без конца втолковывать. Среди феминисток отношение к нем самое лучшее, почти восторженное. Но верующих там совсем нет и церковь католическую они ненавидят. Очень они обиделись на мою критику "ведьм", любят они себя называть "ведьмами" ради эпатажа и считая, что ведьмы - это женщины, которые несли просвещение и знание в народ.

Сегодня мне приснился сон "по Ингу" /т.е. сон саморазоблачающий/. Снилось, что неожиданно вернулась в Россию. - Как, Вы уже приехали? - спросили меня там. Меня окружило несколько мужчин /анимус, и/, от которых я убегаю. Бегу к такси, которое окружено женщинами странного и ужасного вида: я понимаю - это ведьмы. Меня сажают в машину какие-то две очень знакомые женщины, выражение их лиц /раньше доброе/ теперь неприкрыто злое, "сверкающее" злом. Хорошо, что ты их оставила, говорят мне, показывая на мужчин, и начинают ласкать. Я буквально коченел от ужаса /столь страшных снов еще не видела/ и только лепчу: "Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя". На этом месте проснулась.

6.8.80.

Интересен процесс ассимиляции. Сознание с жадностью конструирует новый космос, новую картину мира. А подсознательное не поспевает и жалуется на чрезмерную активность сознания. Ночью часто вижу Россию. Какое-то мазохистическое ощущение от этих снов. Делюба бессознательного проявляется порой в детски-смешных формах: сегодня, например, я плакала.....

Могу вас обнадежить и обрадовать - эмиграция с ее оторванностью и изолированностью существует, но существует только для тех, кто сам хочет быть "эмигрантом" и жить только воспоминаниями.

Меня поразило, что этот австрийско-немецкой-европейский мир оказался родным и знакомым. Вена, например, - зеркало того, что я читала у Фрейда, Шницлера, здесь на каждом перекрестке слышишь - в архитектуре, в манере говорить, в стиле

жизни — музыку немецких романтиков, Моцарт, Шуберт, Штраус. Здесь тот немецкий дух, который я любила с детства.

3.10.80.

Да, дорогие мои, попала я в совершенно новый мир. И вместе с тем ничего не изменилось. Духовная жизнь есть везде и везде одинаково спасаешь себя молитвой, любовью, работой. Сейчас я живу в альпийской деревне, прохожу медицинский осмотр, потом меня выпустят в "большую" Германию. Очевидно, буду жить во Франкфурте, там очень интересная, разнообразная и умная эмиграция, прекрасный православный храм, учиться буду в иезуитской *Hochschule*, они меня любезно приняли, хоть случай для них совершенно необычный — женщина, да еще православная. В иезуитах меня всегда привлекало сочетание молитвенно-мистического опыта (знаменитые — управление Лароллы) и необыкновенной открытости миру. Сейчас это самый многочисленный и сильный орден. Они необыкновенно учены. Как известно, Декарт, Хайдеггер и многие другие знаменитые мужи учились у иезуитов. Занятия скоро начнутся. Первый семестр будем много заниматься языками (латынь, греческий, древнееврейский), будет философия (много средневековой, Николай Кузанский), будет уже и богословие. В *Hochschule* около 1000 священников, 1000 — мирян и *Ordensleute*, есть и женщины.

В Вене 2 месяца подряд не жили, а были символами и застывшими памятниками: такое внимание привлекли к себе. Наши скромные дела и незначительные персоны. Зато я смогла увидеть журналистов, политологов, феминисток, католиков, философов со всех континентов. Со многими установился душевный и дружеский контакт. С итальянцами (молодыми католиками) возникло такое понимание, какое и в России редко встретишь.

Была на большой русской конференции во Франкфурте. Выступила и растрогала до слез. Здесь, как ни странно, мало представляют размах религиозного Возрождения в России, не чувствуют и силу Божьей благодати, не осознают того, сколько радости принесет нам наша вера. Мне здесь более приходится —

ся не рассказывать, а свидетельствовать, чтобы все видели, какое Чудо — наша Церковь, чтобы дать и им и всем понять степень, вернее безмерность нашей благодарности Богу. — ведь я до сих пор чувствую себя неожиданно и не по заслугам спасенной, вырванной из какой-то страшной, смертельной болезни. Так я понимаю задачи сегодняшнего богословия — быть изумленным о Боге.

Есть в ассимиляции и свои трудности. В России мне все хотелось отделаться от "психологизмов", множества душевно-непосредственных контактов и остаться наедине с Богом. Здесь от "психологизма", наконец, избавляешься, делаешь что-то уже не для кучки друзей, а для "всего мира", жизнь теряет статус "непосредственности", интимной близости, она превращается в *Fernschreiben* (пишу письма, по 10 штук в день), *Fernsprechen* (говорю с людьми больше по телефону), *Fernsehen* (обращаюсь к "человечеству" через интервью и статьи), *Fernlesen* (узнаю о мире по телевизору и мир узнает меня, потому что видел в телевизоре). Это — *fern* — далекий — теперь становится судьбой. Только молитва соединяет непосредственно, с Богом и любимыми друзьями.

Я живу сейчас преимущественно во Франкфурте и учусь на 5-ом семестре иезуитской Академии *St. Leonhard*, высоко чтимом учебном заведении, которое последние годы принимает в свои стены и женщины. Приходится много заниматься. Языки древние (замучили совсем), экзегетика, древняя и церковная история — все интересно необыкновенно. Профессура старая, немецкая, знающая. Студенты же очень похожи на советских. Во-первых, никто не интересуется религией и в открытую смеется над "вечными истинами", во-вторых, все увлечены политикой и думают только о том, как помочь странам Латинской Америки построить социализм. ("У них первый был вопрос — свобода Африки"). На лекциях девушки вьют, многие беззастенчиво и громко зевают. В массе католическая молодежь — явление скучное, напоминающее наших комсомольцев 20-х годов. И вместе с тем, какие есть удивительные католики! У меня много друзей появилось

уже в Вене, настоящих монахов, все понимающих, молитвенников, горячих сердцем, любящих Россию. Они, во всех австрийских, итальянских (и в некоторых немецких) церквях, например, молятся за маму православную церковь.

Наша зарубежная русская Церковь богата очень интересными, умными, образованными священниками. Но дух очень консервативный. Живут сплошной завистью к католицизму. В голове мифы и страхи, ничем не оправданные. Считается, что католики только и делают, что переманивают к себе православных. Глухие, смешные подозрения. Католики или преклоняются перед православными мучениками, перед аскетикой и мотикой православия или же вообще равнодушны к своей вере (как мой сокурсник) и готовы назвать себя как угодно и исповедовать все, что угодно, только не истинно католической веры. И эти люди должны стать для меня "страшным соблазном"! Так считают здесь эмигранты первой волны (воляки монархисты, белогвардейцы, националисты и пр.), неодобрительно выражающие на то, что я учусь у католиков. Вообще все эти старикашки (графы, князья, доживавшие (в Мюнхене особенно) свой век, абсолютно не представляют себе, что творится в России, остались прекрасными романтиками-детьми и кажутся пришедшими из 19 века. Вспоминается Петр Трофимович из "Бессов". Как точен Достоевский!

Нужно использовать интерес к Религиозному Возрождению в России и рассказать о Ленинграде. Необязательно интересуется западная общественность всем, что у нас там творится, но как мало здесь знают о духовных наших поисках и путях.

С Женей Вагиным (в "Русском возрождении" он главный) несколько раз встречалась, он взманился в лучшую сторону и понимает, что склява в наше время идеологизировать христианство, а страницы журнала отдавать под поле для партийных битв. На большой франкфуртской конференции, куда съехались эмигранты (русские) со всего земного шара, познакомилась с Красновым-Левитиным (и подружилась) и с о. Кириллом Сотеевым (умный, но очень холодный, "интеллектуал"). Женя Вагин, без сомнения, среди всей этой публики самый духовный и очень одинокий в своей духовности. На этой конференции я говорила

о религиозном возрождении России как о главном "событии" русской жизни и, по милости Божьей, была услышана, принята и понята.

Как хорошо здесь работается! Как уплотняется время, сколько сил высвобождается для серьезного, творческого дела. Пишу очень много. Для немцев, итальянцев, русских. Например, статью о православной антропологии. "Учение о "внутреннем" человека в горизонте общеевропейских антропологических представлений".

Конечно, касаюсь вопроса о культуре, полемицирую с "флореновцами" и пр. партиями в современной православной мысли (особенно с Зоей Крахмальниковой из "Надежды", которая всю культуру обзывает "ночной", бесовской).

Рим. 23.05.81.

Последние 3 месяца я старалась отказываться от выступлений и наметила на учебу. Каждый день - несколько часов латинский, греческий, экзектика и разные другие предметы - можно выбирать. В этом семестре я выбрала "Проблема ожидания Мессии в Ветхом Завете." Читает лучший специалист (на ВЗ, знаменитый Лоффинг. *Pater Lokfing* - они все монахи. Ученость их потрясает, кажется, что эти люди родились из книг и живут в книгах. Это большей частью не сухие мужи, а светящиеся крестостью и вдохновенным, красными люди. Красивы они, правда, не так, как наши старцы, а красотой преданного истине ученого. Богословие стало окончательно рациональным, не мистическим. Есть в этих монахах, как и в наших, что-то детское, но совсем нет духовной силы и власти. Людей они не видят. У нас занятия с 8 до 6 часов вечера, с коротким перерывом на обед и мессу. Студенты внимают много, усидчивы, хотят по-настоящему знать. Но все они экзистенциально стоят на уровне наших советских 5-классников, хоть им от 20 до 40 лет (я не самая старая). Милые, добрые ребята. Но пусто, ничего нет, даже романтизма, даже тцеславия, не говоря уже о разных духовных состояниях. На Западе поражает приветливость окружающих людей, их готовность помочь, доброта. Дети, воспитанные

в этой бесконфликтной, недраматичной среде, утеряли, кажется, идеал сверх-я, ни в чем не стремятся, чистые экстреверты. Я живу в квартире с двумя студентами, милыми, честными, симпатичными, но сейчас мне просто страшно возвращаться домой, во Франкфурт, в свою келью. Мне кажется, я окружена небытием.

В Париже будет как раз то, что нужно: Россия здесь запад, там несколько сот тысяч русских, атмосфера самая творческая, окрыленная. Кроме того, там — центр Православия. Выступала на съезде РХД недавно. Со слезами слушали обо всем, что происходит в России. Почему-то меня здесь почти все представляют солидной, умелой седыми дамой и удивляются, когда видит какую-то девчанку. РХД состоит большей частью из 1-ой эмиграции и их детей и внуков, Сологубы, Татищевы, Блячаншиновы, Струве. С Никитой Струве долго общалась. Поразительного, но холодного ума человек. Блячаншинов Кирилл — чудо, добрый, светлый. Миша Сологуб — секретарь движения, очень близкий интеллектуально человек. Подружилась с прекрасным французско-православным богословом Оливье Клеманом. Он весь в нашей, родной ~~проблематике~~ проблематике — проблема свободы и пола, культуры и аскетизма. Во Франции он признан лучшим богословом вообще, говорит с таким красноречием, с таким вдохновением. Яду Франции, как самой прекрасной земли на свете. А Париж! Рим, конечно, потрясает, но Париж примеряет со всем миром и выгоняет лезвием боль; крылатый, чарующий, божественно красивый город. И такой свой.

Здесь из 3-ей эмиграции одна я буду учиться в Сергиевском Подворье (Клеман там тоже преподает). Богословие представлено французскими или офранцузившимися, несколько холодными русскими. Россия для всех них — мечта и надежда. С каким трепетом они относятся к нам и сколько мы можем взять у них!

Запад многое дал мне: истинное понимание христианства как не-земной, эсхатологической религии, ощущение мира как целого и как своего, кажется, я немного повзрослела, потому что только здесь увидела, как важно Христианское благо-вестие, серьезность, ответственность, подвиг.

Как я рада, что совсем себе не принадлежу, что нет у меня ничего, кроме Бога, что пережила многие заманчивые вещи (например, славу) и увидела их пустоту.

ПАРИЖ. 15.8.82.

Написать о моей западной жизни хотела давно, хоть и очень трудно это — как репортаж "с Марса", впечатлений слишком много, а я не готова к спокойному, "нередуцированному" их восприятию. Но буду писать просто, как все это чувствую в данный момент.

Поразившись первоначально всем явным достижениям и маленьким чудесам этой далеко зашедшей цивилизации — и люди все добры здесь, не озлобленные, и бюрократия не мучает, и битва нет никакого — так все упрощено, налажено и т.д. — стала я /да и все мы тут/ замечать, что те же самые мытые, приветливые люди, в основном, христиане /я часто выступала/, какие-то бессильные, как будто родились уже старичками. (Отсутствия энергии, напора чувствуется во всем — даже в том, как здесь истощена энергетическая земля — преступлением считается тратить электричество, воду). Дух драмы, дух напряженной борьбы /все равно, внутренней или внешней/ куда-то исчез. Для русского эмигранта жизнь кажется непривычно вялой, искусственной, как в "Богодельне". Часто кажется, что живешь во сне.

Не борются, не страдают, потому что нет для этого видимых причин, да и отучились уже, да и общее настроение — достичь мира всех со всеми любыми средствами. Т.е. прямо как в "Легенде об Антихристе" Соловьева. Примирение путем любых компромиссов — вот установка. Недавно я сделала среди философов здесь доклад, где выступала против гармонии /этой мертвой, ложной/. Я здесь очень почувствовала правоту Пестова.

Что еще бросается в глаза — отсутствия "личностей". Причина все та же — нет нужного для формирования личности напряжения. Я уже не говорю о том, что исчезли "духовные возды и авторитеты", нет даже писателей, чье мнение бы ценилось, кто считался бы "совестью" Европы. Нет имен, ко-

торые возбуждают горячие интеллектуальные споры и являются знаками какого-то цельного мировоззрения. Последние заметные люди умерли /Хайдеггер, Сартр/, крупнейшие богословы — Ранер, Бальтазар — совсем одиноки, от них не идет никакой заражающей энергии. /И с тем и с другими я встречалась, переписывалась/.

Все это можно также считать следствием демократического ширализма. Ширализма в ценностях, например. С первого взгляда, дело хорошее, справедливое — все ценности одинаково достойны. Но как трудно привыкнуть к этой уже не игровой "карнавализации" на деле. На деле оказывается, что вперед выступают ценности чувственного мира /консум/, а, если кто и достиг "высот", то он уже сосредоточен на борьбе с "обществом потребления", на большее его не хватает. Да большее, дальнейшее, как-то никому не нужно. Вот потому все почти живые люди оказываются "леваками", "зелеными" и т.д. А главные понятия — справедливость, помощь голодающим в третьем мире, борьба за мир, уничтожение эксплуатации — понятия политические. Политика — бог всех и вся. Это, пожалуй, единственное, что витает над всякими "ширализмами". Ну а люди "не левые" не способны сами к творчеству, только раздражаются на "левых", тоже политизируются, цепляются за ветхую "мораль", запугивают "русскими", боятся любых перемен.

Что еще сильно определяет этот безрадостный карнавал жизни, — так это реклама. Первые мои впечатления были просто фантастически острыми. Приехав во Франкфурт, например, увидела большими, пылающими буквами над всем вокзалом какое-то "М" с закорючкой, думала, что что-нибудь серьезное: эмблема или что-то похожее. Оказалось, реклама шампанского. Если не закрыть глаза и уши, то мир рекламы /наглый, пошлый, бесстыдный/ врывается в каждую клеточку жизни. Что характерно: с самых мелких и ненужных вещей /каких-то банках, обо всем/ диктор говорит таинственно глубоким, шепчущим голосом, как о величайших ценностях и открытиях. В то время, как все вокруг не смеет, стыдится говорить о "себе", а "смысле жизни", о "Боге" и т.д. Создается абсурдная, про-

важно-нигилистическая ситуация перевернутого мира — большое становится маленьким, маленькое — большим.

Конечно, есть здесь много людей, которых можно считать духовно близкими. Они мыслят, читают, ищут книги. Почти не общаются. Все почти делается "в одиночку". К этому пока мне трудно привыкнуть, у нас была другая трудность — все уходило в разговоры, в общение.

Общаюсь-то я и здесь со всем миром. Выступаю по Европе. Но естественно, своим человеком себя не чувствую, и в историю моей жизни эти выступления, встречи как-то пока не входят.

Чувствую "чуждость" мира подкожно. А сознательно все пытаюсь понять и осмыслить, пытаюсь найти свой путь. Поэтому, может быть, мое состояние не такое болезненное, как у большинства "наших" здесь. Да еще спасает то, чем жила последние годы — молитва, доверие Богу, попытка жить не собой, а тем, что "реально". Много пишу. Печатаюсь на многих языках. Здесь вроде бы ситуация для меня хорошая — спрос большой, но просят все об одном — о своем религиозном опыте, написать. Я пишу, но уж надоело о "себе", хочется идти дальше, в настоящую философию.

29.9.82.

Видно, что издание будущего философско-религиозного журнала просто необходимо. Здесь ни в эмиграции ("Континент", "Синтаксис", "3-ья волна" и т.д.), ни в западном мире философия, да еще религиозная, никого не привлекает. Книжки мне предлагают писать, но не философские, а о "себе", все облачают меня в героические тоги "русской гонимой христианки". Роль для истории полезная — здесь слишком много спекулирует идеями идеями и совсем ими не живут, поэтому наша жизнь со всеми ее недостатками и слабостями — все же некий пример. Несомненно, что мы носим христианство свободно, а одно это уже непонятно здесь никому. Вот поэтому и топчусь на идеях этой теме, и проповедую, т.е. просто рассказываю, как пришла к Богу.

Париж. 18.3.83.

Жизнь здесь во всем непохожа на русскую, и в целом, и в мелочах. О чем бы я не начала писать, все нужно расширять, показывать с разных сторон. Пока не удастся справиться с проблемой времени, с распределением сил. Выступления свои и поездки по Европе я ограничила до одного раза в месяц. Но тем не менее к каждому выступлению начинаешь внутренне собираться и готовиться задолго, потом, когда выступаешь /обычно много народу, несколько сотен/, то, конечно, не жалешь себя — ведь говоришь о Боге, о церкви — держишь все в напряжении и это дорого обходится. Потом трудно выйти опять к размеренному ритму жизни и бытия. Но сколько радости приносит эта встреча с совсем разными людьми! Недавно выступала в одной деревне под Штуттгартом. Народу — всех возрастов и "классов" — понаехало множество. Спрашивали о старцах наших /так по-русски и произносили слово "старец"/, о молитве, о покаянии; людей, влюбленных в Россию, в Достоевского, русскую икону — повсюду встречаешь. И это были протестанты, из самого не-мистического направления — кальвинисты. Должна сказать, что когда была на их службе, то несколько раз ошутливо почувствовала благодать. На этой службе произнесла "слово", где уже не о русской и православной святости говорю, а их ругала, что "не светят миру", а потому мир катится к обществу потребления и душится материализмом. За эти слова тоже благодарили. Печально только, что молодежь, даже посещающая церковь, нестерпимо глупа. Похоже на наших комсомольцев первых лет революции. И почему-то все пацифистскую и экологическую чушь с "нагорной проповедью" хотят соединить. Это, впрочем, в Германии, во Франции, стране откровенно атеистической, марксисты остаются марксистами, а христиане — христианами.

Интересно, что на Западе люди, идущие от христианской традиции, часто приходят к социализму, как к чему-то "новенькому", напротив, честные интеллектуалы и в прошлом коммунисты все чаще подходят к вере /не к церкви/; так, самый популярный автор во Франции — Рене Жиран, христианский мыслитель, нечто вроде нового демифологизатора. Французская

мысль и философия сегодня на высоте. Не сравнить с безнадежно туповатой и провинциальной немецкой /а в других странах тоже ничего нет/; Делез, Сер, Сильви-Немо, Левинас, Бинкелевич, Леви, Гляксман, Аирар и другие - целый цветник интересных, прекрасно мыслящих мыслителей.

Много здесь, как видишь, богатств и сокровищ, но Святой Дух небраж все же и сделал центром духовного мира Москву и Ленинград, Печоры и Загорск. Это я уже давно поняла. И как иногда горько становится в этом добром и благоустроенном мире, как не хватает всех вас, не достает эсхатологического, трепетного, безотносительного. Там в России уставала от безумных людей, здесь бы хоть одного увидеть. Часто кажется, что общавшись со шкафами, и съешь, и расшевеливаешь, но только на секунду ведрогнут они и опять погружаются в привычную дремоту. И все-таки это люди, созданные "по образу и подобию" и пренебрегать ими нельзя. Они, несчастные, так надежно защищены от всего живого и духовного, что как праздник воспринимают любое не банальное слово о Боге, о другом мире.

Конечно, и Бродский, и Горбаневская, и Витали против Лени, Вити, Сергея. Думаю, от "зависти" частично, частично от непонимания. Поэтому здать, что они где-то "пропустят" наших петербургских поэтов уже не приходится. Мы /с Игорем/ уже не мало боролись за Лену - но, видно, слишком она значительный поэт, чтобы через эту "мафию" пройти.

Философские и богословские статьи /тысячи или Якубович/ тоже не находят понимания. Это совершенно ясно, люди, захватившие журналы в свои руки, живут совсем не богословским и не отвлеченной философией. А волнует их всякая злая публицистика, вечные диспуты - кто за демократию, и кто за авторитаризм, кто за отделение Украины, а кто - нет. Почти никто здесь ничего не читает, в мировую культуру не выходит, в церковь, от не любви к первой, дохлой эмиграции, не ходит, живут партизанскими секциями. Поэтому мы все будем делать сами, насколько позволят наши силы. И все же общаюсь я преимущественно с ними, нашими русско-еврейскими эмигрантами, потому что на фоне русского опыта, европейские люди кажутся подрост-

нами, где-то пераскрытыми, суженными, скучными.

Недавно, выступая под Штуттгартом, заехала в Кинхен, к Гройсу. Его тоже здесь никто не понимает, не печатает, — он один. Сидит, читает книги в немецкой библиотеке. Немецкий знает уже хорошо. Хотел бы перебраться в Париж, — но ребенок, старый отец — социальная жизнь в Германии на более высоком уровне, чем во Франции, иностранцам неплохо помогают.

30.5.83.

Сейчас вернулась из Голландии. Выступала в собрании "Свет с Востока". Давно эта организация евангелическая создана, они-то больше всего религ. литературы в Россию посылают.

Но сама Голландия религиозно опустела, — хуже, чем Германия даже. Была я, как обычно, в доме проповедника одного. Конечно, огромный, роскошный дом, много детей, сад. "Тышь и гладь" буржуазно тоскливая. На стенках (как и у наших баптистов) картины. Вот конечка сидит около дверей. Внизу написано: "Если Бог закрывает одну дверь, то открывает другую". Там собачка умильная с текстом: "Молитва собаки". Да, это уже не смешно, и не просто антиэстетично. Ведь подобное находишь повсюду — и в католических монастырях рядом с черными улыбающимися лицами ("помоги 3-ему миру!") и полумарксистскими лозунгами: "Постысь, чтобы выказать солидарность с голодающими в Южной Америке." Умиительно-приторные птички, цветочки, детяшки. Не знаю даже, как можно остаться церковным христианином в этих условиях. Видно, самое тяжелое из всех испытаний на Церковь сегодня, но Дух Святой все же живет в ней, хоть порой и совсем невидимо.

8.6.83.

Была на большой (4 тыс. народу со всего мира) конгрессе харизматиков в Австрии. Сподобил Господь выступить. Дал сил и смежность. Ведь передо мной говорили знаменитые кардинал Сипсенси (?), основатель харизматического движения — и еще 2 епископа, известные достоинства и ученость. Говорил я о православной святости, о монастырях, об аскетике

Как всегда (почти), самый теплый прием наши мои слова, думаю, что любовь, которой меня одаривает аудитория, конечно, относится к Русской духовности, к Святой Руси, которой я волею судьбы являюсь для них представителем.

Харизматики (к Св. Духу апеллируют) — это как бы ответ-компенсация на интеллектуализм западной церкви, на "пелагианство" и секуляризацию. Делания у них хорошие... но выполнение... Не духовное, а шумное, эмоциональное. 3 дня с утра до вечера на громадном стадионе горлачили свои песни (как у баптистов незамысловатые), руки к небу вздымали. От шума мне совсем дурно стало, а они это "духовным" опытом именуют. Не было, впрочем, даже и душевности "астральности".

Париж. 10.10.83.

Мы будем ходить в Сорбону, где уровень выше. А встречаться с РХД и нашей 1-ой эмиграцией большой для меня соблазн. Секта эта (РХД) убивает все живое, разгоняются самые способные студенты. Хотят они свой век дожить, дочек замуж отдать, а те, кто когда-то был светом — Бунгаков, Скоренский, Бердяев — давно и духу и слуху о себе не оставили. Особо непристойно-подпольно подл и мелочен Струве, который всем не нравится (много зла творит), а сколько рукописей из России прячет, сам не издает и другим не дает. Прости за мой резкий тон. Это последняя дань доживающему болотцу, с которым судьба слепая меня свела.

Пишу это письмо в самолете, лечу в Мадрид. Конечно, доклад, конечно "пресса", "телевидение" и пр. Но хочу и на волю выбраться — Толедо посмотреть, Преде. И еще — во всех даже самых коротких справочниках для туристов написано о похлесте Испании и России — мол, и гостеприимство, и мистицизм, и склонность к крайностям. Ну это им, полу-дохлым французам — швейцарцам наша близость в глаза бросается. Я-то не жду, что "родное", внутренне увижу. Может, просто, не такая богатая страна, как другие, значит, более первобытная, живая. Правда, сейчас, как бы опровергая мои мысли,

Репродуктор завыл (без слов) романом наш "Мне так трудно
прошлое забыть". Еще Вертинский поет. Чуть ли слеза эмигрант-
ская не вытекла из глаза. Никогда не мучилась воспомина-
ниями, а здесь, на эти 3-ий год моих странствий, часто, весьма
часто прихватывает. Да со всей силой за горло хватает. Как
будто суд какой надо мной уже свершается — вспоминаю, в
мечтательность впадаю. А уж Ленинград так и приклеился к
сетчатке, к мозгу. Сегодня во сне что-то среднее между Ре-
мом и Веней видела и тоже казалось — это Ленинград. Все сон-
изматывает, повторяется — будто я там, в России, как турист-
ка приехала и уже пора уезжать. Бутно. Да еще сон-стервец
прибавляет, что лететь мне в Америку (не в Перу), а для
меня ничего страшнее Америки нет. Совсем Марс, без культу-
ры, истории, это анти-мир. Люди мне близкие, оттуда рвутся
в Европу. Кажется мне, что Америка — антипод России в чем-
то глубоком и совсем не политическом.

Ну вот, продолжаю письмо. Через 3 дня в Мадриде. Измо-
тали меня — вопросы прессы и телевидения одни и те же, все-
поверхностно, журналисты — это самое равнодушное и преступ-
ное племя на земле! Смотрят на тебя, как на букашку. Тяжело
было, убегала в Прето, там Гойя с его чудовищами (потряс ме-
ня, это так серьезно, мистично и реально), потом Сурбарен,
Рибера. Эль Греко, у которого все земное лишено тяжести,
сема земля не притягивает, зато Небо обваливается на людей,
падающих назад. Огонь, трагизм повсюду. Мадрид не так урод-
лив, как Афины, но и не красив. Есть "кусочки" строгого,
аристократического стиля — королевский дворец, площадь одна,
остальное интересно масштабом, размахом. Улицы широкие, зда-
ния громадные (как у нас, при Сталине), иногда с нахальными
архитектурными измышествами — но они мне нравятся. Скульпту-
ры типа эль-грековских фигур, с летающими вверх руками, сто-
ят наверху. Камень теряет тяжесть. Такого неуважения к кам-
ню, к гармонии в Италии никогда не встретишь. Но Италию не
люблю, как раз за ее тяжелую гармоничность. Во всем налет
безумия. Это от Дон-Кихота. Вчера вечером выступала в боль-
шом зале. Горячий отклик. Несколько женщин решились даже за-
мною в Париж ехать, чтобы не расставаться. Но потом подумали,

что у них дети дома и с безграничной грустью расстались. Мадрид, Испания — переживает увлечение молодежи (после Франко) социализмом. Быстро едут вперед вслед за другими западными странами, но серп и молот видишь чаще на стенах города здесь, чем в Германии.

Говорила здесь с русскими (давно живущими) и испанскими детьми. Они мне о похожести русского и испанского развеяли во мне. Говорят русские люди несравненно глубже, духовнее, испанцы же только поверхностными физиологическими страстями живут. Это сами испанцы говорили, которые как испанские дети выехали из Москвы.

Париж. 9.7.84.

Летний период в моей жизни отмечен долгожданным отдыхом: сижу в "центре Помпиду" и запоем читаю. Со здешними людьми лучше через книги общаться, книги интереснее авторов (исключение Оливер Клемент). Вокруг здания Помпиду творится что-то невозможное: художники толпятся с модельерами, бродячие музыканты и мими, маги, фокусники, гадалки, хиппи. Это центр международной художественной богемии. А в здании (в библиотеке) всегда одинаково прохладно, тихо, на 3-ем этаже — современная живность от Пикассо до наших дней, дальше — кино, выставки, залы для дискуссий, так что все время бы сидел в этом здании и не выходил.

Недели 3 тому назад была в Италии, в Лорето, где домик Богьей Матери (из Назарета перевезли в Италию).

Такие святости вечно будут убивать и воскрешать нас грешник — от домика идут ток и энергии, сразу чувствуешь особый духовный климат. Еще в это летнее, свободное от докладов время ходим мы с Павлом в кино. Как вы понимаете, я должна (желательно) увидеть классику, у нас (в СССР) почти недоступную. И это потрясает. Недавно смотрела фильм Герцага (немецкого режиссера) "Kaspar Hauser", это о человеке, который провел все детство и юность в темной пещере, не видя людей и, когда вышел в мир, то был (у Герцага) совершенно чистым, "естественным" человеком. Мир (салон, церковь — и т.д.) показан с такой ужасающей гротесковостью и "тех-

стовской" ненавистью к фальши — ясно, что Герцег — левый и анархист, но гений. Да, нет на Западе "правого" хорошего искусства, а нам, к сожалению, все о "правых" приходится общаться. Последнее время подружился с Робертом Массоном, редактором католической газеты, у него редкая черта: знакомить всех "интересных" людей друг с другом и он нас теперь старательно знакомит с людьми знаменитыми, но скучноватыми. (для нас).

Религиозная ситуация в России вызывает всеобщий интерес. За три месяца моя книга "Как опасно говорить о Боге" была издана 4 тиражами. Издатель говорит, что ни одной другой книжкой так не интересуются. Это тем более странно, что я в ней против левых (пацифистов) и правых, против "всех" нишу. Видно, что людям, действительно, надоело политиканство (церковь здесь просто в политическую партию превращена, не только о мистике не думает, но и просто человеческого ничего не осталось). Если бы вы знали, как все (в сфере церкви) — здесь убого, как всего нет. Из России это невозможно представить.

Австрия. 7.4.84.

Недавно вышла моя 2-ая книга "Как опасно говорить о Боге" (а сама-то я только и делаю, что о Нем говорю). Это тоже воспоминания о России, но так же впечатления от Запада, где я ничего не скрываю из своих отрицательных эмоций. Хорошо, что западные люди принимают критику охотно, но плохо, что все равно мало что меняется. Видно, очень инертное существо — человек. На Западе же их еще отучили от максимализма, приучили к мере, — примирению. Есть, например, добрые, хорошие христиане. Если они богатые, они много помогают, поселяют у себя в 3-х-этажных домах всяких несчастных, но отдают все равно только часть своих богатств. Ни у кого даже и мысли не возникает, что христианин должен отказаться от всего (хотя бы внутренне). Вот почему левые такими живыми, умнейшими часто на этом фоне представляются — они ведь умертвить не зависят от вещей, быть хотя бы романтиками. Я всегда,

когда выступал, говорил, что это поворотно: Европа, христианские страны стали самыми богатыми в мире, тогда как должны бы были быть самыми бедными.

Да, знаете ли вы, что в Боснии, в Мекдугорье все продолжают каждодневно явления Божьей Матери. 6 детей видят ее, а паломники видят лица этих детей. Я говорила с теми, кто там были — никаких сомнений в подлинности явления не возникает. Много исцелений, в жизнь вошел строгий пост (Божья Мать обучает их Посту, у католиков он потерян). И опять говорила, что в России будет более, чем где-либо, прославлен Бог.

В Париже продолжаю заниматься "дураками". Одна из самых популярных философских тем здесь (в Германии и Франции) — цинизм. Дехел, Глюксманн, Фуко увлечены этой темой. Она — знак времени. После критической философии (Франкфуртская школа), после левачества, которое сильно ослабло, ничего не остается, как быть всем недовольным, но тем не менее, "делать свое дело", ворчать, но "заколачивать деньги" и т.д. быть циником. Я тоже хочу со своих (христианских) позиций к этой теме подойти. Кроме того, циники — предвестники бродяжек.

Конечно, вы там себя недооцениваете. Надо жить здесь, чтобы понять, как близка смерть, энтропия, как хрупок дух — и каким параличом охвачена Европа. "Очень уж скучно" — сказал Свидрагайлов Раскольникову. Я еще пока в душе своей скуки не чувствую, но стовесью несет холодом. Особенно страшно видеть молодые, румяные и совершенно трупные лица. Старики хотя бы войну перенесли, есть, что вспомнить, миф молодежи просто не существует. Даже не хулиганят, так энергетически слабы.

Думаю, это послание придет к вам в Пасхальные дни. Христос воскрес! Дорогие мои, там, у вас, этот Праздник можно почувствовать во всей его полноте. Это ведь закон: где страдают, там и Праздник лучше понимают.
